

Институт
международных
исследований

ПОСТСОВЕТСКИЕ ГОСУДАРСТВА поиск новой роли в меняющемся мире

С. М. Маркегонов
А. В. Гущин
А. А. Князев
Ю. А. Никитина
А. А. Ярлыкапов

ПОСТСОВЕТСКИЕ ГОСУДАРСТВА: ПОИСК НОВОЙ РОЛИ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

С. М. Маркедонов

А. В. Гуцин

А. А. Князев

Ю. А. Никитина

А. А. Ярлыкапов

Москва

Издательский дом МГИМО

2026

УДК 327
ББК 66.4
П63

Об авторах:

Маркедонов Сергей Мирославович, ведущий научный сотрудник Института международных исследований МГИМО МИД России

Гущин Александр Владимирович, старший научный сотрудник, доцент Кафедры стран постсоветского зарубежья РГГУ

Князев Александр Алексеевич, ведущий научный сотрудник Института международных исследований МГИМО МИД России

Никитина Юлия Александровна, ведущий научный сотрудник Института международных исследований МГИМО МИД России

Ярлыкапов Ахмет Аминович, ведущий научный сотрудник Института международных исследований МГИМО МИД России

Ответственные редакторы:

Сучков Максим Александрович

Чечевишников Александр Леонидович

Рецензенты:

Быков Андрей Юрьевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИВ РАН

Бедрик Андрей Владимирович, кандидат социологических наук, доцент, директор Института социологии и регионоведения Южного Федерального Университета

Постсоветские государства: поиск новой роли в меняющемся мире / С.М. Маркедонов и др. М.: Издательский дом МГИМО, 2026. XX с.

ISBN

DOI

Данная публикация предназначена исключительно для личного использования и не подлежит воспроизведению, распространению или переработке без письменного разрешения Института международных исследований (ИМИ) МГИМО МИД России.

Запросы на перепечатку направляйте,
пожалуйста, в ИМИ МГИМО МИД России:
119454, Москва, пр. Вернадского, 76
Тел.: +7 495 225-33-13
Email: imi@inno.mgimo.ru

Эта публикация может быть бесплатно загружена с сайта:

Иллюстрация на обложке:

© МГИМО МИД России, 2026
© Маркедонов С.М., Гущин А.В.,
Князев А.А., Никитина Ю.А.,
Ярлыкапов А.А., 2026

Оглавление

Распад СССР: долгосрочные последствия.....	4
Западный фланг постсоветского пространства: стабильная нестабильность	10
Украина: от балансирования к противостоянию с Россией.....	13
Молдавия: внешняя политика как поиск национальной идентичности.....	14
Белоруссия: особый внешнеполитический путь.....	16
Южный Кавказ (Закавказье): новые роли в новом статус-кво	18
Конфликты и трансформации регионального баланса сил	18
Пост-карабахский порядок.....	19
«Открытие» Южного Кавказа: новые акторы	22
Центральная Азия: общие проблемы, различные траектории	24
Конфликтные узлы: внутренняя (не)устойчивость и уязвимость извне	25
Многовекторность в условиях усложняющегося лавирования	27

Распад СССР: долгосрочные последствия

Распад Советского Союза стал поворотным пунктом в истории конца XX века. Демонтаж СССР был зарифмован с разрушением биполярной системы международных отношений, утвердившейся по итогам Второй мировой войны. Это кардинальным образом изменило баланс сил как на глобальном, так и на региональном уровне.

Окончание «холодной войны» открывало возможности для формирования миропорядка, понимаемого как «новый союз партнеров, выступающих против общих опасностей»¹. Однако исчезновение альтернативного американскому советского полюса военно-политического и идеологического притяжения создало у руководства США и их союзников во всем мире иллюзию всемогущества. В оценке происходивших тогда изменений сходились и сторонники либерального подхода, поверившие в скорое наступление «конца истории», и реалисты, посчитавшие, что в военном плане на обозримую перспективу никто не сможет конкурировать с мощностью «политического Запада»².

Казалось, что распад Советского Союза на долгие годы (если не навсегда) закрывает саму возможность появления конкурента США. Единое союзное государство разделилось на пятнадцать новых образований, которым еще предстояло сформировать собственные вооруженные силы, структуры безопасности, определить внешнеполитические приоритеты, реформировать национальную экономику. Но самое главное – перед ними стояла фундаментальная задача выстраивания собственной национально-государственной идентичности, когда прежние ценностно-идеологические ориен-

тиры рухнули, а новые еще не успели сложиться. И все это – в условиях масштабных рыночных преобразований, имевших высокую социальную цену. По своим масштабам и последствиям эти процессы (все вместе и каждый по отдельности) были сопоставимы с утверждением «вильсоновского мира» после завершения Первой мировой войны.

Однако не прошло и четверти века, как Вашингтон получил серьезного конкурента, не смирившегося с американской глобальной гегемонией. Им стала Российская Федерация, самое крупное из постсоветских образований, являвшееся до 1991 года центром сосредоточения бывшей военной, экономической и политической мощи некогда единого государства. Но в отличие от периода «холодной войны» новая Россия выстраивает свою внешнюю политику не на жесткой идеологической платформе, а на основе защиты национальных интересов, демонстрируя готовность к содержательному диалогу по вопросам мировой и региональной безопасности со всеми заинтересованными сторонами. Ключевые документы стратегического планирования России определяют «ближнее зарубежье» (постсоветское пространство) как сферу приоритетных национальных интересов. Согласно Концепции внешней политики (2023), «наиболее важными для безопасности, стабильности, территориальной целостности и социально-экономического развития России, упрочения ее позиций как одного из влиятельных суверенных центров мирового развития и цивилизации являются обеспечение устойчивых долгосрочных добрососедских отношений и объединение потенциалов в различных сферах с госу-

¹ Кэмп-Дэвидская Декларация Президента Джорджа Буша и Президента Бориса Ельцина // Российская газета. 03.02.1992. <https://rg.ru/1992/02/03/cherta.html>

² Sakwa R. The Political West as the End of History // Journal of International Analytics. 2024. Vol. 15. No. 1. P. 46–62.

дарствами – участниками СНГ и другими сопредельными государствами, связанными с Россией многовековыми традициями совместной государственности, глубокой взаимозависимостью в различных сферах, общим языком, близкими культурами»³.

Долгие годы для академического дискурса было характерно представление о мирном характере демонтажа СССР. Профессор Корнеллского университета Валери Джейн Банс в исследовании «Подрывные институты: дизайн и крах социализма и государства» поставила риторический вопрос: «Почему Югославия завершила свой путь войной, тогда как Советский Союз и Чехословакия распались мирно?»⁴.

И действительно, Беловежские соглашения, провозгласившие «конец истории» СССР как «субъекта международного права и геополитической реальности»⁵, были подготовлены и подписаны в режиме ускоренного «мозгового штурма». Они не вызвали ни масштабных акций протеста, ни проблем с ратификациями в Верховных советах в государствах, подписавших этот судьбоносный документ, ни давления со стороны союзного центра. Всего через пару недель после исторической встречи лидеров России, Украины и Белоруссии в Вискулях первый и последний президент СССР Михаил Горбачев в заявлении об отставке смиренно произнес: «Мы живем в новом мире!»⁶. Стивен Коткин, один из наиболее авторитетных американских русистов, дал своей монографии, посвященной распаду Советского Союза, «говорящий заголовок»: «Предотвращенный Армагеддон». Он особенно подчеркивал пассивность цен-

тральных властей, не способных обуздать центробежные тенденции, и отсутствие конфликтов за ядерное оружие между республиками-наследницами СССР⁷. Андрей Кортунов справедливо указывает на то, что «мрачные пророчества» о расползании по миру «бесхозных ракет», «русской мафии» и фанатиках из ЦК КПСС и КГБ, шантажирующих «свободный мир», «сохранились преимущественно в виде сюжетов голливудских блокбастеров конца века»⁸.

Между тем отождествление процесса распада СССР с Беловежскими соглашениями, особенно в контексте опыта последующих тридцати пяти лет, не выглядит убедительно. Необходимо разделять юридическое и историческое измерения распада единого союзного государства. В формально-правовом отношении Советский Союз действительно более не является ни «геополитической реальностью», ни «субъектом международного права». Россия стала его «правопреемником и продолжателем», но ни идеология, ни экономическая система советских лет невосстановимы. В историческом же плане ликвидация СССР сама по себе не могла обеспечить состоятельности и легитимности новых независимых образований, возникших на его обломках.

Сегодня уже смело можно говорить о том, что Беловежские соглашения не стали страховкой от повторения в той или иной степени сценариев борьбы за «югославское наследство». Этот документ был, скорее, запросной позицией постсоветских элит, нацеленной на «худой мир», а не на «добрую ссору». И поэтому он даже стилистически напоминал текст Парижской хар-

³ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.). www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/

⁴ Bunce V.J. *Subversive institutions: the design and the destruction of socialism and the state*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 206 p.

⁵ Цит. по: Соглашение о создании Содружества Независимых Государств. 8 декабря 1991 г. // Виртуальная выставка к 1150-летию зарождения российской государственности. <http://projects.rusarchives.ru/statehood/10-12-soglasenie-sng.shtml>

⁶ Обращение к советским гражданам. Выступление по телевидению президента СССР 25 декабря 1991 года // В Политбюро ЦК КПСС...: По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991) / Сост. А. Черняев (рук. проекта), А. Вебер, В. Медведев. Горбачев-Фонд. М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. С. 745.

⁷ Kotkin S. *Armageddon averted. The Soviet collapse 1970 – 2000*. Oxford: Oxford University Press, 2008. 280 p.

⁸ Кортунов А.В. Три десятилетия болезненных корректировок: Россия на постсоветском пространстве // Российский совет по международным делам, 2022, 1 апреля. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/tri-desyati-letiya-bolezennykh-korrektyrovok-rossiya-na-postsovetskom-prostranstve/>

тии для новой Европы 1990 года, которой также не суждено было реализоваться на практике⁹. Взаимное признание межгосударственных границ, созданных не лидерами вновь возникших образований, а советскими вождями было зыбким фундаментом. К нему должны быть приложены крепкие конструкции из состоятельных государств, добившихся высокого уровня легитимности.

Однако в начале 1990-х годов такие условия были невыполнимы. По мнению известного российского историка и философа Дмитрия Фурмана, наиболее опасным последствием распада СССР стал дефицит легитимности и легальности¹⁰, который до конца не преодолен и сегодня. Сам процесс дезинтеграции огромной страны случился на основе политической целесообразности, вне правовых рамок, с игнорированием советского законодательства о праве на сецессию. При этом на международном уровне признание новых независимых государств строилось не на основе неких четко разработанных критериев, а на принципе *uti possidetis* (лат. «поскольку владеете»), апробированном в ходе деколонизации в Африке¹¹. Государство, становившееся независимым, наследовало те территории и границы, что имело, будучи административным образованием в составе более крупного государства.

Получалось известное противоречие: осуждаем наследие «преступной сталинской национальной политики», но соглашаемся с границами, которые были созданы при личном участии «вождя народов». Парадокс заключался в том, что многие территориальные проблемы, актуализированные после распада Российской империи и гражданской войны 1918–1922 годов лидерами возникших тогда государств (армянскими дашна-

ками, азербайджанскими мусаватистами, грузинскими меньшевиками, петлюровцами), на практике были разрешены (впрочем, лишь на несколько десятилетий) в рамках «советского проекта». Во времена СССР межреспубликанские границы носили не столько межгосударственный, сколько административный характер и нередко менялись в угоду конъюнктурным планам, что лишь усиливало этнополитическую напряженность, которая в итоге стала одним из главных триггеров распада союзного государства. Но и после этого межэтнические конфликты никуда не делись. Из внутриреспубликанских и межреспубликанских противостояний они трансформировались во внутригосударственные и межгосударственные.

По справедливому замечанию американского исследователя Чарльза Кинга, международное сообщество в процессе распада СССР «просто смогло терпеть один вид сецессии, но отвергать другой»¹². И действительно, наряду с союзными республиками о своих намерениях создать собственную национальную государственность объявил и ряд бывших автономий (Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах). В результате возникли де-факто государственные образования, некоторые из которых получили ограниченное международное признание, а некоторые были ликвидированы. Но и спустя три с половиной десятилетия после распада СССР сохранившиеся республики с «оспоренным суверенитетом» остаются важными игроками в процессах политического урегулирования конфликтов¹³.

Претензии новых независимых государств на территориальную целостность в границах бывших союзных республик выглядят зыбкими не потому, что Россия, как самое крупное и сильное из них, является последовательным «ревизионистом» и пы-

⁹ Парижская Хартия для новой Европы. 1990. Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. <https://www.osce.org/sites/default/files/f/documents/3/4/39520.pdf>

¹⁰ Фурман Д.Е. Движение по спирали: Политическая система России в ряду других систем. М.: Весь мир, 2010. С. 52.

¹¹ Shaw M. The Heritage of States: The Principle of *Uti Possidetis Juris* Today // *British Yearbook of International Law*, 1996. Vol. 67. No. 1. P. 75–154.

¹² King Ch. The Ghost of Freedom. A History of the Caucasus. Oxford University Press, 2008. 291 p.

¹³ Маркедонов С.М. Де-факто государства постсоветского пространства: траектории борьбы за суверенитет // *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. Т. 65. № 12. С. 79–89.

тается поставить под сомнение их национальный суверенитет, а потому, что до сих пор не ликвидирован дефицит легальности и легитимности в процессе распада СССР. Более того, он укрепился благодаря реализации этноцентрических моделей национально-государственного строительства. Выбор стратегии построения нации-государства в многосоставных полиэтничных сообществах обрек значительную часть новых независимых государств на внутреннюю неустойчивость, хроническую нестабильность и поиск внешних патронов для обеспечения территориальной целостности (Стивен Уолт определял такой курс как «политику примыкания»)¹⁴. Как следствие, постепенная «геополитизация» конфликтов, в которые стали вмешиваться внерегиональные акторы, продвигающие свои интересы и не заинтересованные в достижении компромиссов и долгосрочном мирном урегулировании. Это, в свою очередь, блокировало интеграционные связи и провоцировало небезопасное соседство в разных частях постсоветского пространства. Интеграционные интенции поступают извне, а не изнутри регионов. Не непосредственные соседи, а внешние игроки пытаются объединять Южный Кавказ, Центральную Азию или европейскую часть бывшего СССР на основе своих представлений об оптимальных моделях региональной экономики и безопасности¹⁵.

В процессе распада Советского Союза имело место восемь вооруженных гражданских и этнополитических конфликтов, в результате которых несколько миллионов человек стали беженцами, а количество жертв, по разным оценкам, достигло 100–150 тысяч человек¹⁶. Из пятнадцати союзных республик семь в той или иной степени стали аренами военно-политического противостояния. И до сих пор пять из них не имеют дипломатических отношений друг с другом.

Практически все вооруженные конфликты в первые постсоветские годы были «заморожены» (то есть военное противостояние прекращалось, но спорные политико-правовые вопросы не разрешались). Затем происходила их «разморозка» (попытки силой сломать сложившийся статус-кво), как это было в Абхазии в 1998, 2001, 2006–2008 годах, в Южной Осетии – в 2004–2008 годах, в Нагорном Карабахе – в 2016, 2020, 2023 годах, не говоря уже о перманентных инцидентах вдоль «линии соприкосновения» или межгосударственной армяно-азербайджанской границы. Исключением в этом ряду продолжает оставаться Приднестровье, где не было попыток изменения «замороженного состояния» при помощи военной силы. Однако нельзя не видеть стремления Кишинева (с 2006 года – совместно с Киевом) использовать социально-экономические рычаги для принуждения непризнанного Приднестровья к единству с Молдавией.

В 2014 году к списку постсоветских конфликтов прибавился Донбасс. В отличие от «первого поколения» противостояний, связанных непосредственно с распадом единого государства, неспособностью центральных властей стать эффективным модератором между союзными республиками и автономиями, борьба за Донбасс стала следствием неэффективного национально-государственного строительства в постсоветской Украине и процесса форсированной «интернационализации» постсоветского пространства. Провал попыток дипломатического урегулирования конфликта на фоне стремления украинских властей «разморозить» противостояние и ликвидировать вооруженным путем инфраструктуру де-факто образований Донецкой и Луганской народных республик – привел сначала к их признанию Россией, а затем к началу Специальной военной операции (СВО)¹⁷.

Таким образом, говорить о «предотвращенном Армагеддоне» при распаде СССР

¹⁴ Walt S. Alliance Formation and the Balance of World Power // *International Security*. 1985. Vol. 9. No. 4 (Spring). P. 3–43.

¹⁵ Лапкин В.В., Пантин В.И. Этнополитические конфликты на постсоветском пространстве: роль внешнеполитических факторов // *Мировая экономика и международные отношения*. 2016. Т. 60. № 12. С. 92–103.

¹⁶ Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. Сост. С.М. Исхаков. М.: Социально-политическая мысль, 2005. 600 с.

¹⁷ Силаев Н.Ю. Продолжение другими средствами // *Россия в глобальной политике*. 2024. Т. 22. № 6. С. 111–131.

не представляется возможным. Даже «денуклеаризация» ряда постсоветских республик в начале 1990-х годов, как показала история с размещением российских ядерных боеприпасов в Белоруссии в 2023 году (не говоря уже о постоянно декларируемых намерениях Украины вернуть себе утраченный «ядерный статус»), не была полной и окончательной. И пока не урегулированы противостояния, порожденные или актуализированные советским распадом, не выработана новая постконфликтная повестка, обращенная не к прошлому, а к будущему, мы имеем основания утверждать, что распад СССР не завершился в начале 1990-х годов, а лишь вошел в затяжной процесс многофакторной реконфигурации.

На протяжении 1991–2026 годов прослеживаются три постсоветских порядка. Первый – «беловежский» – просуществовал первые семнадцать лет. Для него характерно взаимное признание новых межгосударственных границ на основе межреспубликанских, прочерченных во времена СССР. Даже Армения, поддерживавшая самопровозглашенную Нагорно-Карабахскую республику де-факто, де-юре не признавала ее. Как минимум до начала 2000-х годов США и их союзники не проявляли на пространстве бывшего Советского Союза значительной активности, что давало России определенную фору. Именно при ее участии были не только остановлены вооруженные межэтнические противостояния в Южной Осетии, Приднестровье, Абхазии, Нагорном Карабахе, а также гражданские войны в Грузии и в Таджикистане, но и предложены механизмы мирного урегулирования. К тому же Россия в то время рассматривалась как некий паттерн социально-экономических реформ.

Однако пассивность политического «Запада» объяснялась не признанием за Москвой особой сферы интересов, а его вовлеченностью в урегулировании конфликтов за «югославское наследство», а также

расширением НАТО и Европейского союза. То, что для западных лидеров с легкой руки Уинстона Черчилля было «железным занавесом»¹⁸, для СССР являлось стратегически важным «ближним зарубежьем», обеспечивавшим безопасное соседство и выгодное экономическое сотрудничество. В последние годы существования Советского Союза, но в особенности после его демонтажа, Запад взял курс на гомогенизацию пространства безопасности в Европе, что по сути вылилось в создание натоцентричной модели без полноценного вовлечения России и стран СНГ¹⁹. В результате самого крупного в истории расширения НАТО (в 2004 году к блоку присоединились сразу семь государств, включая республики Прибалтики) Альянс подошел вплотную к постсоветскому пространству, начав его военно-политическое «освоение».

Последствиями этого стала «разморозка» ряда этнополитических конфликтов в непосредственной близости от российских границ (самыми яркими примерами в этом ряду стали Южная Осетия и Абхазия), что ставило под сомнение эксклюзивную роль Москвы и на Кавказе, и в российском «ближнем зарубежье» в целом. В результате «пятидневной войны» 2008 года Россия, пойдя на официальное признание независимости двух бывших автономий бывшей Грузинской ССР, создала важный прецедент. Она отказалась от универсальности статус-кво в «ближнем зарубежье», обусловив это появлением потенциально опасной конфигурации у своих границ. Таким образом, Москва нарушила монополию США на внешнее вмешательство в ход этнополитических конфликтов ради обеспечения выгодного регионального баланса сил там, где Штаты считали это необходимым. Но отказ от универсальности «беловежского порядка» не стал для России самоцелью. Этот опыт, примененный в Абхазии и Южной Осетии, не был мультиплицирован в Нагорном Карабахе или в Приднестровье.

¹⁸ Печатнов В.О. Фултонская речь У. Черчилля // Источник. Приложение к российскому историческому журналу «Родина». 1998. № 1. С. 88–93.

¹⁹ Asmus R. Opening NATO's Door: How the Alliance Remade Itself for a New Era. N.Y.: Columbia University Press, 2004. 415 p.

Возникал интересный парадокс. Российское лидерство на постсоветском пространстве было оспорено как изнутри, так и извне. Но в то же время произошло становление России в качестве жесткого и последовательного оппонента политики США и их союзников по созданию однополярного натоцентричного миропорядка. Именно на постсоветском пространстве Москве удалось показать, что американская мощь имеет лимиты. Расширение НАТО за счет новых независимых государств де-факто было «заморожено».

В 2008–2020 годах новый постсоветский порядок можно определить как «постбеловежский». Впервые с момента распада СССР межреспубликанские границы подверглись пересмотру. Международное признание (пусть и ограниченное) обрели не только союзные республики, но и автономные образования. Именно они стали опорными точками российского влияния, тогда как их «материнское образование» – Грузия – привилегированным партнером США, НАТО и ЕС. Как минимум до 2013 года Южный Кавказ являлся главной точкой конфронтации между Россией и Западом. Затем центр противостояния переместился на Украину и в целом на западный фланг постсоветского пространства. В определенной степени мы увидели уменьшенную копию модели «холодной войны», когда борьба за влияние в «ближнем зарубежье» России разворачивались прежде всего между Москвой и Вашингтоном.

События 2013–2014 годов развивались по логике, схожей с периодом «пятидневной войны». Почувствовав угрозу своим интересам, Россия, как и до того в случае с Грузией, отказалась от признания универсальности «беловежских границ». В формально-юридическом плане присоединение Крыма отличалось от абхазского и югоосетинского кейсов, где все ограничилось признанием независимости, но в контексте практической политики оба алгоритма были схожими. Антиконституционный переворот в Киеве и утрата легитимности украинской власти стали триггерами не только массовых выступлений в Крыму, поддержанных

Москвой, но и появления двух де-факто образований в Донбассе. Заметим, что Россия на протяжении восьми лет не пыталась мультиплицировать опыт Крыма в отношении Донецкой и Луганской народных республик, сделав акцент на реализации Минских соглашений об урегулировании конфликта в донбасском регионе.

Начало третьего постсоветского порядка можно вести с ноября 2020 года, то есть с завершения «второй карабахской войны», которая сломала баланс сил, державшийся на протяжении более четверти века. Однако значение этого события выходит за рамки отдельно взятого этнополитического конфликта. Дело не только в том, что Азербайджан взял реванш за прошлые поражения и вернул контроль над большей частью потерянных территорий. Произошло значительное усиление роли Турции на Кавказе и в Евразии в целом. Впервые государство, не связанное исторически с СССР, способствовало радикальной трансформации постсоветских геополитических реалий. С этого момента мы можем говорить о «евразийской многополярности», в которой не только Россия и Запад, но и другие внешние игроки активизируют борьбу за продвижение своих интересов. Российское «ближнее зарубежье» становится «полицентричным миром» в миниатюре.

С началом СВО на Украине мы наблюдаем самые масштабные перемены на постсоветском пространстве с момента распада СССР. Выходом из нынешней военной конфронтации может стать формирование новой системы международных отношений, отложенное с завершением «холодной войны» и физическим исчезновением одного из полюсов биполярного мира. Ведь в 1991 году никаких внятных правил игры, которые подводили бы черту под ялтинско-потсдамским миром и устанавливали на его месте новую прочную и признаваемую кем-то кроме «политического Запада» конструкцию, так и не было выработано. И снова постсоветскому пространству суждено сыграть особую роль в формировании нового полицентричного миропорядка.

Западный фланг постсоветского пространства: стабильная нестабильность

Государства европейской части бывшего СССР – Белоруссия (Республика Беларусь), Украина и Молдавия (Республика Молдова) – в российской экспертной и академической литературе принято определять как «западный фланг» СНГ или постсоветского пространства²⁰. В зарубежных политико-географических исследованиях этот регион нередко определяют как Балто-Черноморский, или «Междуморье»²¹.

На протяжении нескольких веков на территориях нынешнего западного фланга постсоветского пространства конкурентами России (Речь Посполитая, Франция, Британская империя, Австро-Венгрия, Германия, Польша, Румыния) предпринимались попытки либо обеспечить прямое политико-экономическое и военное доминирование, либо создать пояс враждебно настроенных к России буферных государств. Нельзя не отметить и тот факт, что жесткая конкуренция не ограничивалась исключительно военно-политическими форматами, но затрагивала широкий круг идентитарных проблем (этничность, нация, религия, гражданство)²².

По окончании Второй мировой войны, когда советская граница на Западе была «урегулирована», для БССР, УССР и МССР наступил период почти полувековой стабильности. Именно в этот период им удалось стать локомотивами экономического

и социального развития в общесоюзном масштабе. В западной части СССР находились значительные мощности военно-промышленного комплекса, а также несколько ключевых оперативно-стратегических территориальных объединений Советской армии (включая Черноморский флот). При этом советские Украина и Белоруссия вместе с СССР были соучредителями и членами Организации Объединенных Наций.

Распад Советского Союза привел к радикальной военно-политической и социально-экономической реконфигурации его европейской части. За тридцать пять лет государственной независимости Белоруссия, Украина и Молдавия в своей внешней политике пытались сочетать балансирование и «примыкание», а во внутренней политике – колебались между проектами этноцентричной и политической нации, эксклюзивностью и инклюзивностью.

В настоящее время западный фланг постсоветского пространства не представляет собой единого интегрированного региона. Здесь уже пятый год продолжается самое масштабное противостояние не только после распада СССР, но и после окончания Второй мировой войны. Фронт Специальной военной операции России на Украине превышает протяженность франко-германской границы. При этом украинская сторона получает поддержку со стороны прак-

²⁰ Постсоветские государства: 25 лет независимого развития. Сб. ст. в 2-х тт. / Отв. ред. А.Б. Крылов. Том 1. Западный фланг СНГ. Центральная Азия. М.: ИМЭМО РАН, 2017. 197 с.; Гушин А.В., Левченко А.С. Западный фланг постсоветского пространства и программа «Восточное партнерство»: опыт и перспективы взаимодействия // Современная Европа. 2019. № 7. С. 105-114.

²¹ King Ch. The Black Sea. A history. Oxford: Oxford University Press, 2004. 276 p.; Laruelle M. & Rivera E. Imagined Geographies of Central and Eastern Europe: The Concept of Intermarium. Washington: George Washington University, IERES Occasional Papers, 2019 (March). 30 p.

²² Prusin A. The Lands Between: Conflict in the East European Borderlands, 1870-1992 (Zones of Violence). Oxford: Oxford University Press, 2010. 324 p.

тически всех западных держав, введших беспрецедентные экономические санкции против Москвы и обеспечивающих масштабные поставки вооружения Киеву. Добавим к этому неурегулированный приднестровский конфликт на фоне попыток молдавских властей выхолостить автономный статус Гагаузии, а также потенциальную опасность эскалации на украино-белорусской границе.

Украина и Молдавия получили статус кандидатов на вступление в ЕС. Более того, Евросоюз запустил процесс переговоров об их присоединении к этому интеграционному объединению. При этом Украина взяла

курс на присоединение к НАТО, а Молдавия, несмотря на определенную корректировку своей военной стратегии (провозгласившей Россию в качестве главной угрозы национальной безопасности)²³, укрепление вооруженных сил и наращивание взаимодействия с Североатлантическим альянсом, по крайней мере формально, сохраняет нейтралитет. В то же самое время Белоруссия является участницей евразийских интеграционных объединений (ЕАЭС, ОДКБ) и образует с Россией Союзное государство, представляющее собой самый высокий уровень межгосударственной кооперации на пространстве бывшего СССР.

УКРАИНА: ОТ БАЛАНСИРОВАНИЯ К ПРОТИВОСТОЯНИЮ С РОССИЕЙ

На рубеже 1980–1990-х годов давались в целом оптимистические оценки относительно будущего развития независимой Украины. Однако последующие события показали, что проблемы, коренившиеся в ее истории и современном развитии, так и не удалось преодолеть²⁴.

В этом контексте следует выделить, прежде всего, политико-географическую и идентитарную неоднородность Украины, отсутствие полноценного опыта самостоятельного национально-государственного строительства. Однако активное продвижение идеологии, базирующейся на представлениях диаспоры и западной части страны, отказ от инклюзивной модели гражданской нации – все это способствовало созданию предпосылок для нарастания межрегиональных противоречий, формирования принципиальных разногласий по вопросам региональной и международной безопасности между Украиной и Россией, а также для внешнего вмешательства Запада во внутриполитические украинские процессы.

Еще одним важным аспектом развития постсоветской Украины стала олигархиза-

ция, что оказало определенное влияние на внешнюю политику, учитывая постепенно нарастающую связь представителей олигархата с западными финансовыми структурами и зависимость от них. Процесс олигархизации и усиления влияния Запада, прежде всего транснационального капитала, на Украине происходил на фоне общей социальной и экономической деградации, скрытой фасадной электоральной демократией, когда названия тех или иных институтов и процессов не только не отражали их реальное наполнение, но сами эти институты находились либо под контролем различных неформальных групп влияния, либо постепенно переходили под внешнее управление. В стране же годами формировался особый социально-политический климат, представлявший собой либерал-националистический микст, который, с одной стороны, обеспечивал доминирование прозападного курса во внешней политике и либерально-западнических нарративов внутри страны, а с другой – обуславливал отказ от курса на инклюзивность и преобладание этноцентризма во внутренней. Это сопровождалось

²³ Принята Военная стратегия на 2025–2035 гг. // Правительство Республики Молдова. 2025, 8 октября. <https://gov.md/ru/press-relizy/prinyata-voennaya-strategiya-na-2025-2035-gg-premer-dorin-rechan-my-prodolzhim>

²⁴ Тридцатилетие независимости Украины: состояние политики и экономики: рабочая тетрадь Российского совета по международным делам (РСМД). № 61/2021 [Е.И. Пивовар, А.В. Гуцин, А.С. Левченков и др.]. М.: НП РСМД, 2021. 56 с.

коренным переформатированием политики памяти как на содержательном, пропагандистском, так и на институциональном уровнях, языковыми и образовательными ограничениями в отношении русского языка, поощрением церковного раскола, а также процессами декоммунизации²⁵.

С момента распада СССР более двух десятилетий внешнеполитический курс Украины балансировал между Россией и Западом, украинские элиты при активной поддержке США и ЕС дрейфовали в сторону евроатлантического выбора. Этот дрейф находился в тесной связи с внутривнутриполитическими, экономическими и социальными трансформациями в государстве. Они создавали базис для радикальной корректировки внешнеполитических приоритетов. Рубежными этапами для разворота Украины на Запад стали события 2004–2005 годов («оранжевая революция») и 2014 года (государственный переворот, который его творцы назвали «революцией достоинства»).

После прихода к власти прозападной команды президента Виктора Ющенко (2005–2010) украинское руководство фактически заморозило свое участие в евразийских интеграционных проектах, сделав ставку на форсированное членство в НАТО и ЕС. В апреле 2008 года на Бухарестском саммите Альянса Украина получила официальное приглашение присоединиться к нему, правда без указания конкретных сроков и проработанных процедур. В 2009 году она стала участницей проекта «Восточное партнерство». Сворачивание взаимодействия с Россией и другими государствами СНГ не могло не сказаться на экономическом положении. В 2010 году физический объем ВВП составил лишь 76% от уровня 1991 года²⁶.

Надежды на изменение внешней и внутренней политики, связывавшиеся с победой Виктора Януковича на президентских, а его Партии регионов на последующих парламентских выборах в 2010 и 2012 гг. не

оправдались в виду как недостатков самого украинского руководства, так и давления со стороны Запада.

«Второй майдан» 2013–2014 годов привел к тому, что внутренний конфликт на Украине перешел в силовое противостояние. До этого времени наличие конкуренции и отсутствие внутренних военных конфликтов были главными отличительными чертами украинской политики среди постсоветских государств. Несмотря на интенсивность межпартийного и межфракционного противостояния, а также нарастающую дискриминацию официальным Киевом Крыма и Донбасса, разным частям Украины до определенного момента удавалось избегать прямых насильственных столкновений. Более того, различные украинские элитные группы (очевидный этноцентрист Виктор Ющенко и сторонники инклюзивной модели из Партии регионов) добивались ситуативного сближения и сосуществования в формате президент – премьер-министр.

Однако в 2014 году ситуация изменилась радикально. Переход имевшихся конфликтов в плоскость вооруженной конфронтации обусловлен двумя основными причинами. Во-первых, оформлением коалиции между сторонниками «европейского выбора» и украинскими национал-радикалами. Если первые имели мощную финансовую базу и поддержку со стороны Запада, то вторые отличались готовностью к применению вооруженного насилия. В итоге этот альянс отказался от практик ненасильственных действий и перешел к прямому использованию силы: сначала для совершения госпереворота и отстранения от власти неудобного Виктора Януковича, а затем и для «наказания сепаратистов» на Юго-Востоке страны.

Во-вторых, победители «Евромайдана» (если здесь вообще уместно это понятие) полностью отказались от инклюзивной модели построения гражданской нации. Они не пошли на диалог со своими оппонента-

²⁵ Миллер А.И. Украина – историческая политика в дискуссии о регионах // Россия в глобальной политике. 2025. Т. 23. № 5. С. 128–145.

²⁶ Вардомский Л.Б., Пылин А.Г. Экономическое развитие России и Украины в контексте взаимных отношений // Россия и современный мир. 2013. № 3. С. 78–80.

ми, такими же украинскими гражданами, ни в Киеве, ни в особенности в русскоязычных Крыму и юго-восточных областях Украины. Милитаризация «Евромайдана» спровоцировала ответное формирование отрядов самообороны под лозунгами защиты местных жителей от украинских радикал-националистов в Донецке, Луганске и других городах двух областей Донбасса. Такой выбор окончательно зацементировал существовавшие и ранее национально-региональные различия. Как следствие, нарастание внешнего давления со стороны Запада (для «сдерживания» Москвы) и реакция Москвы на это, а также на трансформацию внутриполитического курса Киева – привели к постепенной утрате Украиной не только ряда территорий, но и политической субъектности. Фактически она превратилась в главную арену конфронтации между Россией и Западом на пространстве бывшего СССР²⁷.

Попытки мирного урегулирования конфликта в Донбассе, которые продолжались без малого восемь лет, не увенчались успехом. Данная проблема представляет собой предмет для самостоятельного исследования. Зафиксируем лишь, что провал мирного процесса был обусловлен, прежде всего, отсутствием полноценной международной кооперации. Если Россия стремилась к имплементации Минских соглашений (комплекса мер по урегулированию противостояния), то Запад фактически боролся за «мирную передышку» для Киева, открывавшую в будущем возможности военно-политического реванша. Эти принципиальные различия в целеполагании привели к тому, что никаких эффективных механизмов, которые заставили бы Украину выполнять достигнутые договоренности, создано не было. К началу 2022 года на линии соприкосновения увеличилось количество нарушений режима прекращения огня, а прогресса не переговорах не было. Киев имитиро-

вал мирный процесс, затягивал время, отказывался вести диалог с представителями «отдельных районов Донецкой и Луганской области»²⁸. В этом контексте важно отметить, что начало российской СВО на Украине не было началом конфликта в Донбассе, оно стало следствием его неурегулированности и попыток Киева при поддержке Запада ослабить российские позиции на западном фланге постсоветского пространства.

В настоящее время на пятом году СВО украинский военно-политический кризис имеет несколько измерений. Он остается одним из важнейших элементов конфронтации между Россией и Западом, а также трансформации европейской и международной системы безопасности. Можно констатировать, что в период с 2022 по 2026 год «украинский вопрос» перестал быть элементом, цементирующим единство Запада. В подходах США и их европейских союзников наметились разночтения по вопросам мирного урегулирования. Впервые в официальный дискурс западных государств включено предложение о возможных территориальных уступках со стороны Украины, хотя ранее эта тема жестко табуировалась (при этом речь шла не только о невозможности уступок в Донбассе, но и об «украинском» статусе Крыма.) Сегодня даже высшие представители украинской власти признают, что не в состоянии вернуть утраченные регионы²⁹. Впрочем, наряду с территориальным вопросом не меньшую актуальность представляет проблема легитимности действующей украинской власти. Официально срок полномочий шестого президента Владимира Зеленского истек 20 мая 2024 года. Очередные парламентские и президентские выборы на Украине должны были пройти соответственно в октябре 2023 года и 31 марта 2024 года. Однако волеизъявление граждан откладывается под разными предлогами, а оппоненты

²⁷ Гушин А.В., Маркедонов С.М., Цибулина А.Н. Украинский вызов для России. Рабочая тетрадь Российского совета по международным делам. № 24 / 2015. М.: Спецкнига, 2015. 48 с.

²⁸ Силаев Н.Ю. Указ. соч.

²⁹ «Il faut remettre Poutine à sa place» : Volodymyr Zelensky face à nos lecteurs // Le Parisien. 2024, 17 Decembre. <https://www.leparisien.fr/international/il-faut-remettre-poutine-a-sa-place-volodymyr-zelensky-face-a-nos-lecteurs-17-12-2024-VH-GEU2NPCBGJ3NQKXOTQM2TFQ.php>

Зеленского подвергаются жесткому давлению, включая возбуждение уголовных дел и введение санкций.

Таким образом, на данном этапе можно констатировать, что дипломатический процесс вокруг перспектив мирного урегулирования продвигается в условиях ослабления позиций Киева как на фронте, так и на политическом театре в виду очевидного

кризиса внутренней легитимности власти и нарастания противоречий между США и ЕС. Очевидно, что полное урегулирование будет возможно только как комплексное решение, охватывающее широкий спектр проблем – от создания новой ненаточенной модели европейской безопасности до реформы национально-государственного устройства Украины.

МОЛДАВИЯ: ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КАК ПОИСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Среди всех новых независимых образований постсоветского пространства Молдавия обладает самой противоречивой и не до конца определенной национально-государственной идентичностью. Внутри ее политического класса с первых дней независимости и до настоящего момента не завершен спор между сторонниками унионистского («румынистского») и молдавенистского проектов. Деление же партийного спектра на левый и правый фланги связано не только и даже не столько с отношением к проблемам государственного вмешательства в экономическую сферу и личной свободы, сколько к идентификации молдаван как отдельного самоценного субъекта или как составной части большой румынской нации, предпочитающей «европейский путь»³⁰.

Принципиальным и во многом конституирующим вопросом молдавской внешней и внутренней политики в постсоветский период стала проблема Приднестровья. Приднестровский конфликт отличается от противостояний на Южном Кавказе или в Донбассе меньшим уровнем взаимного ожесточения конфликтующих сторон, а также отсутствием таких отягчающих обстоятельств, как беженцы или многолетняя межэтническая вражда. В элитах непризнанной Приднестровской Молдавской республики (ПМР) наряду с русскими всегда

присутствовали молдаване и украинцы. Но если для «молдавенистов» реинтеграция Приднестровья является залогом обретения субъектности и состоятельности государства, то для «румынистов» эта республика представляется как «пятая колонна» России, «форпост Кремля», «антинациональная сила». Вплоть до 2025 года проевропейские силы Молдавии не исключали вариантов «мягкого вхождения» в ЕС в несколько этапов, то есть до урегулирования конфликта на Днестре³¹. Как следствие – готовность левого спектра молдавского политикума к полноценному диалогу Кишинева с Тирасполем и стремление правой его части к экономическому и политическому прессингу как к важнейшему реинтеграционному инструменту. Однако следует подчеркнуть, что оба фланга молдавского политического класса не признают особой приднестровской государственности, рассматривают ее как девиацию, искусственно поддерживаемую Москвой.

Значимость России в определении внешнеполитических приоритетов Молдавии всегда была высока. Москва сыграла решающую роль в приостановке конфликта на Днестре и развертывании миротворческой операции в июле 1992 года. Из всех подобных операций на пространстве бывшего СССР в зоне ответственности этой миссии практи-

³⁰ Фадеева Л.А., Плотников Д.С. Проблемная европейская идентичность Молдовы: «бои за историю» // Современная Европа. 2017. № 6. С. 132–143; Бардин А.Л., Баринов И.И. Проблемы национального развития и консолидации политических пространств (на примере Молдовы и Румынии) // Полис. Политические исследования. 2018. № 6. С. 99–111.

³¹ «Аморально и незаконно»: Молдавия не может войти в ЕС без Приднестровья – посол // Евразия-Daily. 2025, 24 декабря. <https://eadaily.com/ru/news/2025/12/24/amoralno-i-nezakonno-moldaviya-ne-mozhet-voyti-v-es-bez-bridnestrova-posol>

чески не зафиксировано силовых «разморозок» и человеческих жертв. В 2003 году Россия подготовила «Меморандум об основных принципах государственного устройства объединенного государства» («Меморандум Козака») – по сути план создания единого обновленного государства с широкими полномочиями Приднестровья и Гагаузии. Его подписание было сорвано под влиянием ЕС и США, опасавшихся дрейфа Кишинева в сторону Москвы и, возможно, присоединения к Союзному государству России и Белоруссии³².

Внешняя политика постсоветской Молдавии являла собой траекторию многовекторности, на которой присутствовали и евразийский, и европейский компоненты. Базовым документом в двусторонних отношениях Москвы и Кишинева стал Договор о дружбе и сотрудничестве, подписанный сроком на 10 лет 19 ноября 2001 года³³ и вступивший в силу в мае 2002 года. В ноябре 2011 года Базовый договор России и Молдавии был продлен еще на десять лет. Несмотря на ряд заключенных соглашений и определенных практических шагов к их реализации, отказ от подписания Меморандума об урегулировании Приднестровского конфликта в 2003 году создал немало проблем в двусторонних отношениях, начиная со слома доверия и заканчивая ухудшением политических и социально-экономических контактов.

Поворотным пунктом в молдавском внешнеполитическом позиционировании стало избрание президентом Майи Санду в ноябре 2020 года. Прозападная политика была заметно активизирована, а с началом СВО Кишинев фактически полностью солидаризировался с позицией Киева и прекратил диалог с Москвой. При этом внутри страны была сделана ставка на «санацию». Резко усилилось давление центральной вла-

сти на Гагаузию. После ареста и осуждения башкана (главы) автономии Евгении Гуцул предпринимаются попытки поставить под контроль гагаузскую законодательную власть.

В декабре 2023 года была утверждена новая Стратегия национальной безопасности, а затем, в 2025 году, и военная доктрина, где Россия названа главной угрозой государственности, взят курс на укрепление военного потенциала. Был увеличен военный бюджет. В июне 2022 года Молдавия наравне с Украиной получила статус кандидата в ЕС, а в декабре 2023 года Евросоюз дал старт началу официальных переговоров о вступлении в ЕС, несмотря на то что не все требования Брюсселя были исполнены Кишиневом.

Президентские и парламентские выборы 2024–2025 годов показали глубокий раскол и в молдавском обществе, и в политическом классе. Антироссийский / проевропейский курс не имеет в Молдавии всеобщей поддержки. Успех правящей партии обеспечен не только внутренним ресурсом поддержки (который, конечно, имеется), но и административным прессингом в отношении инакомыслящих, голосами диаспоры (идеологически заряженной и политически мобилизованной властями), препятствиями, искусственно организуемыми для голосования жителей Приднестровья, давлением на СМИ и гражданское общество³⁴. Сыграло роль и отсутствие единства в рядах оппозиции, ее неготовность к компромиссам и выдвиганию на авансцену новых лидеров.

В этом контексте возрастают риски эскалации вокруг Приднестровья, в котором проживает большое число граждан, имеющих российские паспорта, и которое само по себе представляет важный геостратегический и социокультурный субъект для России. Несмотря на очевидное желание Киева

³² Девятков А.В. «Меморандум Козака» в истории приднестровского урегулирования // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4. С. 52–57.

³³ Договор о дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Республикой Молдова. <http://www.kremlin.ru/supplement/3400>

³⁴ Маркедонов С.М. Молдова в руках глобалистов, народ лишен суверенитета – за него выбирают временщики // Sputnik Молдова. 17.11.2025. <https://md.sputniknews.ru/20251117/moldova-v-rukakh-globalistov-narod-lishen-suvereniteta---za-nego-vybirayut-vremenschiki-68353975.html>

вмешаться в этот конфликт и «зачистить пророссийский анклав», определенным балансиrom является позиция Румынии. Бухарест не заинтересован в вовлечении Украины в регион, который он считает сферой своих привилегированных интересов. Как бы то ни было, наблюдается активизация военных приготовлений, военно-техническое усиление южного фланга НАТО в районе Днестра, что делает риски «разморозки»

конфликта реальными. Остроты ситуации добавляет стремление властей инструментализировать фактор «российской угрозы», когда любой оппонент правительства и президента маркируется как «человек Кремля», а не молдавский политик или общественный активист. Заявления высших лиц о выходе из СНГ или возможном присоединении к Румынии лишь укрепляют нестабильность в стране и вокруг нее.

БЕЛОРУССИЯ: ОСОБЫЙ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ ПУТЬ

Белорусская внешняя политика очевидно выделяется на фоне других государств западного фланга постсоветского пространства. Несмотря на рост либеральных и националистических настроений в начале 1990 годов, приход к власти в 1994 году Александра Лукашенко содействовал коренному изменению векторов социально-экономического и политического развития.

Москва и Минск на протяжении долгих лет вели споры и выражали различные подходы к строительству Союзного государства. Не обошла Белоруссию стороной и многовекторность. В 2009 году республика присоединилась к проекту «Восточное партнерство» и вплоть до 2020 года (президентских выборов) пыталась маневрировать между Россией и Западом. Этот курс в наибольшей степени актуализировался в период с 2014 по 2020 годы. Минск также воздержался от признания независимости Абхазии и Южной Осетии.

Несмотря на перечисленные обстоятельства, Минск оставался (и продолжает оставаться) одним из наиболее последовательных союзников Москвы. Белоруссия – один из «локомотивов» интеграционных проектов с участием России – СНГ, ЕАЭС, ОДКБ, ШОС, а также двусторонней организации – Союзного государства. И хотя далеко не все положения Договора о Союзном государстве к настоящему времени реализованы, именно в рамках этого проекта двум государствам удалось наиболее глубоко продвинуться по пути взаимной интеграции. Россия является крупнейшим торгово-экономическим партнером

Белоруссии, на нашу страну приходится около 60% ее внешнеторгового оборота, по накопленным капиталовложениям в белорусскую экономику Россия также прочно удерживает первое место.

На фоне внешнего давления ускорилось развитие экономических и политических отношений между Москвой и Минском, основой которого стал Декрет Высшего Государственного Совета Союзного государства № 6 (ноябрь 2021 года). Им утверждались, в числе прочего, 28 союзных программ, направленных на решение масштабных задач укрепления интеграции. Военно-политическим ответом на угрозы стало наращивание военного и военно-технического сотрудничества России и Белоруссии. Создана коллективная система обороны и обеспечения безопасности, в рамках которой успешно функционируют региональная группировка войск и сил и единая региональная система ПВО. В 2023 году в ответ на просьбу белорусского президента было принято решение о размещении на территории Белоруссии тактического ядерного оружия, а затем и комплекса «Орешник».

Русский язык имеет в Белоруссии статус второго государственного, благодаря чему республика является частью единого русскоязычного пространства. Достигнута определенная, хотя и недостаточная, степень интеграции в образовательной сфере. Все это в целом положительно сказывается на взаимодействии двух государств и в области исторической политики, хотя она имеет в Белоруссии свою очевидную специфику.

В настоящее время в условиях роста военно-политической напряженности роль «белорусского балкона» для региональной безопасности трудно переоценить, прежде всего имея в виду активное наращивание инфраструктуры НАТО в регионе, риски блокады Калининградской области, рост напряженности на Балтийском море, а также четкую антироссийскую ориентацию Польши и государств Балтии, которые даже перед лицом рисков возможной большой европейской войны продолжают эту политику и радикализируют ее. В таком контексте развитие военной доктрины Союзного государства, тесная военно-техническая интеграция играют большую роль, как и расширение производственной кооперации в рамках Союзного государства. Одновременно с этим по-прежнему стоят задачи социального и гуманитарного взаимодействия, образовательной и научной кооперации, сопряжения усилий в области социальной инженерии и молодежной политики, проблемы в которой

во многом и привели к событиям 2020 года и лишь отчасти были сняты последующими действиями белорусских властей.

Повышение качества интеграции имеет особое значение в условиях продолжающегося интереса ряда государств Запада, прежде всего США, к Белоруссии. Американская сторона пытается заинтересовать Минск посредством снятия ряда санкций и ограничений. В этом контексте следует особо отметить, что американцы сняли санкции с белорусского хлористого калия – главного экспортного товара и одного из основных источников валютных доходов страны. США также объявили о снятии части ограничений против национального авиаперевозчика «Белавиа» на фоне решения белорусских властей освободить 52 осужденных. Нельзя, впрочем, исключать, что Вашингтон будет использовать этот инструментарий для обеспечения своих интересов, в том числе для возвращивания противоречий между Москвой и Минском.

Южный Кавказ (Закавказье): НОВЫЕ РОЛИ В НОВОМ СТАТУС-КВО

На протяжении всей своей долгой истории регион Большого Кавказа (территории российского Северного Кавказа и независимых государств Закавказья) только дважды находился под единым суверенитетом, сначала – Российской империи, затем – СССР. И хотя Советский Союз был противоположностью России во всех отношениях, единый суверенитет – при принципиально различных управленческих технологиях – обеспечивал устойчивые интеграционные связи в большинстве сфер. «За гранью дружеских штыков» гасились многочисленные острые противоречия и конфликты. При этом многие внутренние и внешние процессы вроде развития и укрепления местных национализмов или вмешательства иностранных держав зачастую не зависели от, соответственно, Санкт-Петербурга и Москвы.

Как бы то ни было, и в 1918, и в 1991 году единое пространство Большого Кавказа перестало существовать. Начиналась борьба за его обустройство в новых реалиях. Без единого суверенитета, а значит, и единых стандартов в государственном строительстве, без общей внутренней и внешней политики. На что накладывались проблемы с легитимностью новообразований, кон-

фликты республиканских центров с автономиями. Отказ от всестороннего учета многосоставности при строительстве независимой государственности, игнорирование многолетних кооперационных связей, примат идеологической мотивации – всё это закладывало мины под будущее³⁵.

После распада СССР Южный Кавказ стал одним из самых динамичных регионов постсоветского пространства. Два новых независимых образования – Азербайджан и Грузия – провозгласили «восстановление», преемственность республикам 1918–1921 годов. Армения же основывала свою государственность на политико-правовом наследии и «первой республики» (1918–1920), и АрмССР, одновременно претендуя на совместное самоопределение с бывшей Нагорно-Карабахской автономной областью, которая входила в состав АзССР. Обращение к истории в итоге стало не только данью памяти и восстановлением утраченных традиций. Оно во многом «воскресило» этнотерриториальные споры и конфликты, которые потрясли Южный Кавказ при крушении Российской империи, после чего они на долгие годы были «заморожены», но не урегулированы.

КОНФЛИКТЫ И ТРАНСФОРМАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО БАЛАНСА СИЛ

Закавказье пережило четыре из восьми этнополитических конфликтов, сопровождавших советский распад. Еще два противостояния на российском Северном Кавказе были тесно связаны с конфликтной динамикой по другую сторону горного хребта. На протяжении первых полутора десятилетий XXI века «интернационализация» постсоветского пространства наиболее активно проходила на

Южном Кавказе. Именно здесь в августе 2008 года был создан прецедент пересмотра «беловежского» постсоветского порядка. Впервые бывшие автономные образования, а не союзные республики обрели юридическое признание независимости. На протяжении первых десяти лет XXI столетия именно Кавказский регион был главной ареной борьбы России и Запада за влияние в Евразии. Именно на Кав-

³⁵ De Waal T. The Caucasus: An Introduction. 2-nd Edition. Oxford/ Oxford University Press, 2018. 312 p.

казе был «заморожен» процесс расширения НАТО за счет постсоветских государств³⁶.

Но регион знал и примеры другого порядка. В 2020–2023 годах Азербайджан в два этапа разрушил инфраструктуру непризнанной Нагорно-Карабахской республики. И стал вторым после России государством СНГ, вернувшим под свою юрисдикцию сецессионистское образование. Эти действия были обеспечены при беспрецедентной поддержке со стороны Турции, которая стала первым непостсоветским государством, принявшим самое деятельное участие в сломе существовавшего военно-политического статус-кво. После этого характерный для середины 2000-х годов региональный ремейк «холодной войны» (когда конфронтация России и Запада определяла кавказский геополитический ландшафт) сменился более сложным и нюансированным сочетанием конкуренции и конфронтации игроков, выходящим за рамки биполярного формата³⁷.

Сегодняшние трансформации на Южном Кавказе происходят на фоне радикальной смены ролей. До начала «осенней войны» 2020 года в Нагорном Карабахе многие именовали регион не только сферой особых интересов России, но зоной ее особого влияния. И даже катастрофическое поражение главного союзника Москвы в Закавказье, Армении, не слишком изменило это восприятие. Даже западные авторы оценивали появление российской миротворческой миссии в Нагорном Карабахе не как ослабление позиций РФ, а как их усиление по принципу: до ноя-

бря 2020 года военного присутствия России в стратегически важной точке Евразии не было, а после оно появилось. Как усилилось и влияние Москвы на определение параметров армяно-азербайджанского урегулирования. Это было закреплено в нескольких трехсторонних заявлениях президентов Владимира Путина, Ильхама Алиева и премьер-министра Никола Пашиняна³⁸.

Однако в 2022 году, с началом СВО на Украине, многое изменилось. Государства Запада (в особенности США и Франция, делившие с Россией сопредседательство в Минской группе ОБСЕ) фактически отказали Москве в ее праве быть неформальным лидером мирного процесса. Вашингтон, Париж и Брюссель инициировали параллельные переговорные треки, нацеленные, по сути, на минимизацию российского участия. Азербайджан усилил военно-политический, экономический и дипломатический прессинг Армении с целью принудить Ереван к окончательному уходу из Нагорного Карабаха. В конце 2022 – в 2023 годах эта цель была достигнута. Армянское руководство впервые с момента распада СССР признало суверенитет Баку над карабахскими землями, что, впрочем, не остановило военной операции по возвращению региона в сентябре 2023 года. Реинтеграция Нагорного Карабаха оказалась зарифмованной с его деарменизацией. Таким образом, вопрос о статусе данной территории был снят с повестки дня. Через семь месяцев после этого российский миротворческий контингент был досрочно выведен оттуда.

ПОСТ-КАРАБАХСКИЙ ПОРЯДОК

Сформировался новый, пост-карабахский, статус-кво. Россия утратила роль эксклюзив-

ного модератора урегулирования. Азербайджан, получив все, к чему стремился на протя-

³⁶ Markedonov S.M. The Big Caucasus. Consequences of the “five day war”, threats and political prospects // Athens. International Center for the Black Sea Studies. Xenophon Papers. 2009. No. 7. 75 p.

³⁷ Буря на Кавказе. Под ред. Р.Н. Пухова. М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2021. 128 с.

³⁸ Заявление Президента Азербайджанской Республики, Премьер-министра Республики Армения и Президента Российской Федерации // Президент России. 2020, 10 ноября. <http://kremlin.ru/events/president/news/64384>; Заявление Президента Азербайджанской Республики, Премьер-министра Республики Армения и Президента Российской Федерации // Президент России. 2021, 11 января. <http://kremlin.ru/supplement/5606>; Заявления по итогам трехсторонних переговоров лидеров России, Азербайджана и Армении // Президент России. 2021, 26 ноября. <http://kremlin.ru/events/president/news/67203>; Заявление Президента Азербайджанской Республики, Премьер-министра Республики Армения и Президента Российской Федерации // Президент России. 2022, 31 октября. <http://kremlin.ru/supplement/5860>

жении тридцати пяти лет (если вести отсчет с «перестроечных» времен), начал дистанцироваться от Москвы и любых проявлений внешней опеки в целом. Баку перешел к тактике прямых переговоров с Ереваном, стараясь избегать любых намеков на посредничество. Армянские же власти, стараясь уйти от ответственности за катастрофические поражения и унижения, начали диверсификацию внешней политики, попутно представляя печальный для страны итог как системную проблему союзничества с Россией. Как следствие, и изнутри региона, и извне позиции Москвы были поставлены под сомнение, ее лидерство оспорено. Этот тренд особо усилился на фоне наращивания кооперации между Азербайджаном и Турцией, а также после заметной активизации США в регионе. В августе 2025 года в Вашингтоне при посредничестве президента США Дональда Трампа было парафировано мирное соглашение между Азербайджаном и Арменией. Наряду с этим была подписана декларация, предусматривающая открытие т.н. Дороги Трампа (*Trump Route for International Peace and Prosperity*), которая свяжет через южную часть Армении «ядровую территорию» Азербайджана с его эксклавом Нахичеванью³⁹. И хотя сама инициатива вызывает множество вопросов (проект планируется к реализации как совместный армяно-американский на территории Евразийского экономического союза, не говоря уже о присутствии там российских пограничников), очевидны попытки Вашингтона укрепить свое влияние на Кавказе. И даже если проект ждет неудача, активизация США вынуждает и азербайджанские, и армянские элиты отнестись к американским интересам с особым вниманием.

Впрочем, серьезные ролевые изменения затрагивают и Грузию. До начала СВО именно эта страна считалась главной прозападной силой в регионе. Она к тому моменту уже получила «безвиз» со странами Шенгенской зоны, подписала Соглашение об ассоциации

с Евросоюзом, считалась привилегированным партнером НАТО (правда, с регулярным откладыванием приема). Но после отказа от участия в политике «сдерживания России» и после изменений внутреннего законодательства, касающихся регулирования деятельности неправительственного сектора и его финансирования, отношения Грузии с ЕС и США были фактически «заморожены». Американцы приостановили Хартию о стратегическом партнерстве. Евросоюз, несмотря на очевидные успехи Тбилиси в реформировании экономики и законодательства под стандарты ЕС, не объявил о начале переговоров по вступлению Грузии в это интеграционное объединение. Напротив, переговоры по этому вопросу были приостановлены. Парламентские же выборы 2024 года структуры ЕС признали нелегитимными. Соответственно, таковыми они признают и грузинское национальное правительство. Напротив, оппозиционные силы, критикующие власти за якобы «поворот в сторону России», получают моральную и материальную поддержку Брюсселя. Весьма показательно, что в ходе кавказского турне вице-президента США Джей Ди Вэнса по странам Южного Кавказа он посетил Ереван, Баку, но не был в Тбилиси.

Таким образом, региональная повестка дня значительно усложняется. Прежние модели, работавшие годами и десятилетиями, трансформируются. Армения ставит под сомнение свое участие в ОДКБ⁴⁰. Можно говорить о том, что на евразийском направлении Ереван выбрал для себя селективное сотрудничество. Взаимодействуя с ЕАЭС и всячески поддерживая экономическую кооперацию с Россией и государствами СНГ, армянская власть не просто игнорирует ОДКБ, но и устами своих представителей говорит о ее неэффективности и даже опасности. Долгие годы Армению называли «форпостом России» на Кавказе. Сегодня это определение требует, как минимум, существенной нюансировки. Правительство страны одобрило за-

³⁹ Силаев Н.Ю. Пахлава для Трампа // Россия в глобальной политике. 2025, 11 августа. <https://globalaffairs.ru/articles/pahlava-dlya-trampa-silaev/>

⁴⁰ Кремль ответил на слова Пашиняна об угрозе для Армении со стороны ОДКБ // РБК. 2024, 18 сентября. <https://www.rbc.ru/politics/18/09/2024/66ea9bfa9a7947234ac8f35d>

конопроект «О начале процесса вступления Республики Армения в ЕС», в структуре МИД республики появился департамент европейской интеграции. Ереван начал активное взаимодействие с ЕПС (Европейским политическим сообществом) и даже повел подготовку к приему его саммита. В январе 2025 года Армения и США подписали Хартию о стратегическом партнерстве. И хотя это, по сути, рамочный документ, он имеет важное символическое значение.

Власти Армении пытаются представить своим гражданам новый национально-государственный проект, который определяют как «Реальную Армению»⁴¹. Он предполагает отказ от геополитического «максимализма», принятие в качестве государства территорию бывшей АрмССР без Карабаха, минимизацию роли диаспоры и разрыв с прежней исторической традицией, которую пытаются связать, среди прочего, и с чрезмерным влиянием России. Этот выбор не является консенсусом в армянском обществе, но власти стремятся представить его как важнейший инструмент на пути к миру и формированию новой постконфликтной реальности на Южном Кавказе.

«Форпост Запада» и «маяк демократии» Грузия превратилась едва ли не в главного «неуспевающего» в проекте ЕС «Восточное партнерство». Важно подчеркнуть, что нарастание проблем в отношениях между Грузией и «политическим Западом» не привело ее в «евразийский стан». В сентябре 2026 году исполнится 18 лет с того момента, как Тбилиси разорвал дипломатические отношения с Москвой. Грузинские власти по-прежнему настаивают на необходимости восстановления «территориальной целостности» и прекращения «незаконной оккупации» Абхазии и Южной Осетии Россией. Тбилиси также отказывается от подписания обязывающих соглашений о неприменении силы в отношении двух бывших автономий ГССР, чья независимость признана Москвой. Несмотря

на возникшие препоны на пути евроатлантической интеграции, этот курс не отменен, грузинские власти и после электорального кризиса 2024 года настаивают на необходимости возобновления полноценного диалога с Вашингтоном и Брюсселем. Даже такая опция, как нейтралитет, не рассматривается на официальном уровне, эта тема остается уделом политических маргиналов. Но такое внешнеполитическое позиционирование никак не мешает Тбилиси развивать взаимовыгодное торгово-экономическое сотрудничество с Россией. Товарооборот между РФ и Грузией достиг 2,68 млрд долл. в 2025 году, что на 6,3% больше показателя 2024 года. Россия занимает третье место среди всех торговых партнеров Грузии, ее доля во внешнеторговом обороте этой страны составила 10,4%⁴².

Особое место на фоне смены традиционных ролей Армении и Грузии занимает Азербайджан. Долгие годы официальный Баку проводил курс, который можно определить как «политику качелей». Он не пытался быть чьим-то «форпостом» или «маяком», выстраивал нюансированные отношения со всеми центрами силы. Его действия было невозможно вписать ни в «пророссийскую», ни в «антироссийскую» логику. В отличие от Грузии и Украины он не был официально приглашен в НАТО. И никогда не форсировал борьбу за вступление в альянс. Правда, здесь есть свой нюанс. Кооперация с Турцией, с государством-членом НАТО, обладающим вторыми по численности после США вооруженными силами в этом военном блоке. Баку дистанцировался от интеграционных проектов под эгидой России. Но он никогда не стремился к членству в ЕС. Азербайджан не был замечен и среди жестких оппонентов России в Совете Европы и в ПАСЕ.

После того как союз России и Армении подвергся серьезным испытаниями на прочность, казалось бы, сближение Москвы и Баку должно стать безальтернативным. И

⁴¹ Идеология Реальной Армении: премьер-министр обратился к народу // Премьер-министр Республики Армения. 2025, 2 февраля. <https://www.primeminister.am/ru/statements-and-messages/item/2025/02/19/Nikol-Pashinyan-Speech/>

⁴² Товарооборот между Россией и Грузией в 2025 году вырос на 6,3%. Коммерсант. 2026, 21 января // <https://www.kommersant.ru/doc/8363684>

действительно в феврале 2022 года стороны подняли статус двусторонних отношений, заявив об установлении союзнического взаимодействия. Важно подчеркнуть, что Ильхам Алиев прибыл в Россию и поставил свою подпись под Московской декларацией на следующий день после признания Россией Донецкой и Луганской народных республик и за два дня до начала СВО. Хотя традиционно Азербайджан подчеркивает опасность сепаратизма и важность принципа территориальной целостности.

Однако, несмотря на наличие прочного экономического фундамента отношений (товарооборот между двумя странами демонстрирует стабильный рост, достигнув по итогам 2025 года почти 5 млрд долл. и увеличившись на 2,5%)⁴³, Баку не смог заменить Ереван в качестве главного партнера Москвы на Южном Кавказе. В конце 2024–2025 годов Россия и Азербайджан пережили «кризис эмоций». Его триггером стал инцидент с гибелью самолета азербайджанской авиакомпании AZAL, в котором Баку обвинил Россию, но впоследствии руководство страны приняло извинения со стороны Москвы. Однако инцидент со сбитым самолетом при всей его гуманитарной важности не был единственной причиной «заморожек» в отношениях Баку и Москвы. Они имели системные основания. И самое главное из них – закрытие карабахского гештальта. Азербайджанские власти, обеспечив «собрание земель», значительно укрепили свою легитимность внутри страны. По сути, мы наблюдаем перезагрузку азербайджанского национально-государственного проекта. И в этом своем новом

качестве Баку стремится избавиться от внешней опеки.

Казалось бы, Россия, ставшая главным гарантом самоопределения безопасности Абхазии и Южной Осетии, не столкнется с вызовами с этой стороны. Но абхазский внутривластный кризис и очередная смена власти в Сухуме (третья кряду за десятилетний период с 2014 по 2024 годы) обозначили целый ряд острых вопросов. За чередой перемен на республиканском политическом Олимпе и сменой «кураторов» из Москвы скрываются глубинные процессы. Во-первых, происходит трансформация привычного социально-экономического уклада постсоветской Абхазии. В условиях ее ограниченного признания открытие республики для притока инвестиций и (или) либерализация рынка недвижимости приведут не просто к физическому увеличению количества российских предпринимателей, но, скорее всего, к усилению влияния России на абхазскую внутреннюю политику. Не исключено и определенное приведение Абхазии под стандарты РФ. Это создает немалые риски, воскрешает в памяти «проклятие восемнадцати процентов» (когда титульный этнос оказался в численном меньшинстве у себя на родине). Но отказ от развития в пользу консервации этнократической модели ведет к хронической отсталости и деградации⁴⁴. При таких условиях даже намеки на международное признание исчезнут. В 2025 году Москва вместе с Сухумом попытались определить новые параметры взаимодействия, ориентированные на выработку модели постконфликтного развития республики с учетом ее специфики⁴⁵.

«ОТКРЫТИЕ» ЮЖНОГО КАВКАЗА: НОВЫЕ АКТОРЫ

Новые роли в Закавказье – это не только растущая конкуренция между Россией и Западом, но и активизация тех игроков, кото-

рые ранее не имели значительного влияния в регионе. Между тем сегодня участие Индии и Китая в кавказских делах становится

⁴³ Товарооборот Азербайджана и России в 2025 году вырос на 2,5%. ТАСС. 2026, 21 января // <https://tass.ru/ekonomika/26208133>

⁴⁴ Маркедонов С.М. Трансформация конфликтного поля в Абхазии: современная политика и исторический контекст // *Мировая экономика и международные отношения*. 2024. Т. 68. № 12. С. 111–121.

⁴⁵ Павлова А.В. Абхазия 2025: перезагрузка // *Российский совет по международным делам*. 2025, 25 декабря. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/postsoviet/abkhaziya-2025-perezagruzka/>

все более ощутимым. Китай вошел в тройку крупнейших торговых партнеров Грузии. Такое сотрудничество началось не вчера. Грузия, еще считаясь «форпостом Запада», стала первой из стран Южного Кавказа, кто подписал с КНР Соглашение о свободной торговле. Грузия также первой заключила с Китаем Соглашение о стратегическом партнерстве в июле 2023 года. Тбилиси и Пекин пошли на установление безвизового режима. Реализация амбициозного проекта «Один пояс, один путь» требует от Китая наращивания кооперации с государствами Кавказа. Фактически это стало бы продолжением китайской линии в Центральной Азии. В 2025 году Пекин подписал соглашения о стратегическом партнерстве сначала с Азербайджаном, а затем с Арменией. Государства Южного Кавказа также проявляют интерес к сотрудничеству с КНР. В Пекине они видят предсказуемого партнера, а также игрока, последовательно отстаивавшего принципы «территориальной целостности» и невмешательства во внутренние дела, что сильно контрастирует с установками США и ЕС. В китайской политике также пытаются найти некий «третий путь», потенциально способный избежать от дилемм «холодной войны».

Наряду с Китаем в кавказские дела все активнее вовлекается Индия. По мнению индийского дипломата и эксперта Ачала Мальхотры, своеобразным триггером для Дели является взаимодействие его главного геополитического оппонента Пакистана с Азербайджаном и Турцией. Баку, как и Анкара, защищает ту повестку по Кашмиру,

которую последовательно продвигает Исламабад⁴⁶. Как следствие, имеет место интерес Индии к военно-техническому сотрудничеству с Арменией. Начиная с 2022–2023 годов, Индия стала основным поставщиком вооружений для Еревана, обеспечив 43% его импорта и заменив Россию в качестве главного военно-технического партнера⁴⁷.

Таким образом, мы можем говорить не только о «вестернизации», но и об «истернизации» Южного Кавказа.

Однако как и в случае с западным флангом постсоветского пространства, в Закавказье наблюдается дефицит региональной интеграции. И даже если мы предположим, что в ближайшее время Ереван и Баку подпишут парафированное мирное соглашение, а «нормализация» в отношениях между Арменией и Турцией завершится разблокировкой границ и транспортных коммуникаций, вопросы останутся. И прежде всего потому, что этот мир выглядит не столько как компромисс и взаимные уступки, а скорее как принуждение к примирению с позиций силы. Это делает всю конструкцию зыбкой и уязвимой. И в этом случае останется открытым вопрос о разблокировании российско-грузинских отношений и полноценной нормализации между нашими странами. Естественно, с пониманием абхазских и югоосетинских интересов. Следует также иметь в виду, что внешнее вмешательство в кавказские дела – это не в последнюю очередь свидетельство неготовности самих стран региона решать свои проблемы самостоятельно, не прибегая к альянсам с внерегиональными игроками.

⁴⁶ Malhotra A. India and the South Caucasus // Vivekananda International Foundation. 2022. November, 30. <https://www.vifindia.org/article/2022/november/30/india-and-the-south-caucasus>

⁴⁷ Индия за два года поставила Армении почти половину всего импортного оружия // Sputnik-Армения. 2025, 17 апреля. <https://am.sputniknews.ru/20250417/indiya-za-dva-goda-postavila-armenii-pochti-polovinu-vsego-importno-go-oruzhiya---reuters-87915441.html>

Центральная Азия: общие проблемы, различные траектории

На пике «холодной войны» в западной советологии широкое хождение получили представления о том, что распад СССР начнется с республик Средней Азии, а ислам может стать идейно-политическим локомотивом дезинтеграционных процессов. Эти представления укрепились после ввода советских войск в Афганистан в декабре 1979 года. Однако последовавшие в конце 1980-х – начале 1990-х годов события показали необоснованность подобных построений⁴⁸.

Как известно, среднеазиатские республики покинули Советский Союз последними. Это во многом обуславливает тот факт, что и по настоящее время процессы национально-государственного строительства и формирования внешнеполитической идентичности в них нельзя считать полностью завершенными. В то же время сегодня можно уже уверенно говорить о состоятельности этих государств.

Процессы, происходящие в Центрально-азиатском регионе (объединяющем Казахстан, Киргизию, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан), невозможно подвести под один знаменатель. Развитие этих государств происходит во многом по различным траекториям: сложились непохожие модели экономик, политические системы, дифференцировались внешние, в том числе внешнеэкономические, связи, не сформировалось какой-либо общей, объединяющей идентичности. Борьба за самоутверждение, поиск своей особой ниши в международном

пространстве делают суверенитет востребованной, базовой ценностью. В каждом из пяти государств региона он возведен в абсолютную, порой иррациональную, степень. Такое положение вещей можно считать вполне естественным, однако в некоторых аспектах внешнего взаимодействия это обстоятельство снижает эффективность.

Особенно это заметно в военной сфере и в сфере безопасности, где имеет место кризис взаимного доверия. Сложившийся к 2020-м годам комплекс мер безопасности носит многоуровневый и фрагментированный характер, региональная стабильность поддерживается в основном за счет двусторонних военно-политических соглашений между государствами региона и внешними акторами. Только за последнее время неспособность пяти государств взаимодействовать в сфере безопасности наглядно проявилась в ситуации 2021 года – накануне и после прихода к власти в Афганистане движения «Талибан», когда меры военного упреждения осуществлялись исключительно с российским участием в рамках ОДКБ и на двусторонних уровнях (с Узбекистаном и Туркменистаном)⁴⁹. Другой пример – события января 2022 года в Казахстане, на которые ни одно государство региона фактически никак не отреагировало, кризис был разрешен вмешательством ОДКБ в рамках ее миротворческой миссии⁵⁰. Казахстан, Туркменистан и Узбекистан никак не проявили себя и в урегулировании длившегося

⁴⁸ Bennigsen A., Lemerrier-Quellejey Ch. Islam in the Soviet Union. F. Praeger Publisher. Washington, NY, 1967. 272 p.; Bennigsen A., Lemerrier-Quellejey Ch. Le soufi et le commissaire. Les confréries musulmanes en URSS. Paris: Seuil, 1986. 320 p.

⁴⁹ С Узбекистаном – на основании Договора о союзнических отношениях с Россией 2006 года, с Туркменистаном – в рамках ратифицированного в августе 2020 года двустороннего соглашения о безопасности.

⁵⁰ Ввод миротворческих сил ОДКБ в Казахстан создал первый в истории Организации прецедент применения ее военных подразделений на территории одной из стран-участниц. На фоне роста авторитета ОДКБ в течение 2021 года в связи с событиями в Афганистане казахстанская операция закрепила роль Организации как главного и единственного гаранта безопасности в зоне ее ответственности. В ситуации определенного разочарования в политике США и относительной пассивности КНР ярко проявилась зависимость стран Центральной Азии от России, так как в общественно-политическом сознании ОДКБ отождествляется с Москвой.

десятилетиями погранично-территориального конфликта Киргизии и Таджикистана, реальным стимулом к интенсификации переговорного процесса между Бишкеком и Душанбе стала состоявшаяся 14 октября 2022 года в Астане на полях саммита стран-

участниц СНГ по настоянию российской стороны трехсторонняя встреча президентов Киргизии, Таджикистана и России, а также последующая политико-дипломатическая поддержка переговоров российской стороной.

КОНФЛИКТНЫЕ УЗЛЫ: ВНУТРЕННЯЯ (НЕ)УСТОЙЧИВОСТЬ И УЯЗВИМОСТЬ ИЗВНЕ

Общими проблемами для всех пяти государств Центральной Азии являются наличие внутренних конфликтных узлов, уязвимость к внешним воздействиям, а также отсутствие эффективных механизмов в решении таких вопросов, как растущий дефицит водных ресурсов, проблемы энергетики и демографии. При существующей динамике роста численности населения актуализируются задачи в сфере образования (включая качественный рост уровня профессиональных квалификаций), а также в отношении роста экономики и создания новых рабочих мест.

Ключевой задачей обеспечения внутривнутриполитической стабильности является устойчивость политических режимов. Если взять за критерий успешность транзита власти в той или иной стране, то все пять центральноазиатских кейсов обнаруживают свою специфику. Так, на пути транзита власти Казахстан пережил и «двоевластие», и попытку государственного переворота, и определенную стабилизацию обстановки. Однако и сегодня национальная элита остается в высокой степени фрагментированной. Соседняя Киргизия пережила три силовых государственных переворота (2005, 2010, 2020). Отличительными чертами этого кейса являются высокая фрагментация киргизского общества и элит, значимая роль неформальных связей, значительный потенциал неправительственных организаций, связанных с западными странами и Турцией.

Таджикистан – единственная страна региона, в которой транзит уже длительное время находится в стадии подготовки.

Международная турбулентность, сохраняющаяся неопределенность во внутриэлитных отношениях, перманентно кризисное состояние социально-экономической сферы, высокая зависимость от внешнего мира требуют жесткой концентрации властных полномочий, единоличных решений и их максимальной исполняемости. Власть живет в обстановке постоянного ситуативного реагирования, управления «в ручном режиме», что и определяет решение президента Таджикистана Эмомали Рахмона о выборе времени для реализации сценария транзита в пользу своего сына.

Туркменистан отличается от других стран особой общественно-политической атмосферой, которая создает и условия уже дважды прошедшего транзита власти (в 2006 и 2022 годах), не вызвавшего каких-либо проявлений нестабильности и кардинальных изменений. В то же время, высокая степень закрытости страны и общества является важным фактором защиты от внешних воздействий и сохранения статус-кво.

Транзит власти в 2016 году и последующий период показывают относительно высокую политическую устойчивость в Узбекистане. Подтверждением этому служат, в частности, события в Каракалпакстане в июле 2022 года⁵¹, с которыми государственные структуры справились самостоятельно, занявшись устранением фундаментальных причин произошедшего.

В государствах Центральной Азии имеется немало конфликтных узлов, делающих их уязвимыми как изнутри, так и извне⁵². Ни

⁵¹ Массовые протесты были вызваны проектом поправок к Конституции, лишавших регион его особого статуса. Власти быстро подавили беспорядки, однако отказались от корректировки Основного закона.

⁵² Абашин С.Н. Этничность и конфликты в современной Центральной Азии // Там, где цветет мугунхва и распускается сакура. Слово об ученом. Казань: Бук, 2019. С. 303.

одно из государств региона не моноэтнично, везде меньшинства составляют значительную долю населения, во многих случаях живущего компактно и часто – в приграничных регионах. Эти меньшинства носят как диаспоральный, так и ирредентный характер. При этом во всех пяти странах созданы и развиваются по восходящей этнократические модели государственного устройства и управления, создающие в ряде случаев конфликт интересов социально-экономического или / и гуманитарного свойства.

Межэтническое напряжение, действительно, существует, хотя в открытую конфликтность перерастает крайне редко и локально. Сепарационные тенденции в целом региону не свойственны, хотя их вероятность нельзя стопроцентно исключать применительно к Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана и автономной Республике Каракалпакстан в Узбекистане, а также к русскоязычному северу Казахстана. В Туркменистане вероятными нужно считать не межэтнические проблемы, а сохранение и развитие трайбалистских противоречий (многолетняя конкуренция между региональными родоплеменными общностями туркмен).

Активность радикальных религиозных ячеек (не обязательно в форме прямых терактов, а в сфере пропаганды и психологических операций, а также в вербовке новых сторонников) заметно усилилась после того, как в Казахстане, Киргизии и Узбекистане началась реализация программ по возвращению и реабилитации воевавших в Сирии и Ираке террористов и их семей⁵³. Характерно, что принятие этих программ активно поддерживалось рядом западных организаций и местных неправительственных организаций, финансируемых из США и стран ЕС. При этом «официальные» религиозные институты не выполняют или не выполняют в необходимой мере те зада-

чи, которые на них возлагает государство. «Неофициальные» же исламские субъекты оказываются более убедительными и эффективными – посредством самых разных способов коммуникаций (от активности в социальных сетях до непосредственной индивидуальной работы) – и во многом формируют информационную повестку в религиозной сфере.

Среди специфических особенностей современной религиозной сферы следует отметить рост числа людей, воспринимающих существующее государство как временную стадию развития. Радикализация религиозной сферы в странах Центральной Азии происходит на основе причин внутреннего характера. Из внешних воздействий следует выделить деятельность зарубежных негосударственных фондов и ряда государственных институтов Саудовской Аравии, Кувейта, Турции, Пакистана. Локальные связи с существующими в Афганистане экстремистскими и террористическими организациями и движениями очень редки, эпизодичны и действуют в основном для Туркмении и Таджикистана.

Наряду с конфликтным потенциалом в этнической и религиозной сферах в среднесрочной (а эпизодически – и в краткосрочной) перспективе дефицит водных ресурсов также создает значительные риски⁵⁴. В первую очередь это касается сельскохозяйственного производства. На нужды сельского хозяйства уходит 80% водных ресурсов региона. Большая часть орошаемых земель приходится на Казахстан и Узбекистан – в засушливом низовье крупных рек. Высокий расход воды связан не только с климатом, но и с изношенностью ирригационных сетей. Их средний возраст достигает 50 лет, в результате чего более 40% воды теряется в ирригационных сооружениях. Центральная Азия практически исчерпала потенциал экстенсивного развития орошаемого зем-

⁵³ В Казахстане – государственная программа «Жусан», в Узбекистане – государственная программа «Мехр». В Таджикистане по официальным данным «благодаря принятым в стране законам о добровольном отказе от участия в экстремистском сообществе» за последние 10 лет 1640 человек вернулись на родину и избежали наказания.

⁵⁴ Голунов С.В. «Водные конфликты» в Центральной Азии: вероятность эскалации и возможности предотвращения // Потитэкс. 2024. Т. 20. № 2. С. 260–273.

леделия. Для решения проблем требуются модернизация ирригационной инфраструктуры, привлечение на эти цели инвестиций (в том числе в формате ГЧП), внедрение эффективных тарифов на поливную воду, повсеместное применение водосберегающих технологий, расширение прав и возможностей ассоциаций водопользователей в рациональном использовании водноземельных ресурсов.

Энергетика в обозримой перспективе будет оставаться одной из наиболее проблемных сфер во всех странах Центральной Азии. Потребление электроэнергии неуклонно растет, рост обеспечивают жилищный, транспортный и коммерческий секторы. Дефицит электроэнергии является угрозой развития промышленного сектора, ставя под сомнение реализацию множества производственных, а также транспортных проектов. Дефицит, помимо недостаточного производства электроэнергии и быстрого роста потребления, связан и с изнашиванием энергетической инфраструктуры. Основным источником энергетического импорта (как природного газа, так и электроэнергии) в страны Центральной Азии является

Россия. Других источников на обозримую перспективу не предвидится. Возможности наращивания собственного производства энергии (как тепловой, так и гидро-) ограничены и в более отдаленной перспективе не будут способны обеспечить потребности. Завершение строительства Рогунской ГЭС в Таджикистане и строительство новой Камбаратинской ГЭС в Киргизии проблемы не решат, тем более что вся гидроэнергетика в этих странах носит ярко выраженный сезонный характер.

Наиболее простым и эффективным решением проблемы дефицита энергии могло бы стать создание атомной энергетики, но не малых АЭС, в строительстве которых, в частности в Узбекистане, имеют место позитивные сдвиги. Проекты строительства больших АЭС в Узбекистане и, особенно, в Казахстане сильно политизированы. С практической точки зрения выбор Росатома в качестве партнера вполне очевиден, но в современных условиях это означало бы сближение с Россией, что, в свою очередь, повлечет те или иные контрдействия Запада, активизирует соответствующие прозападные силы в Узбекистане и Казахстане.

МНОГОВЕКТОРНОСТЬ В УСЛОВИЯХ УСЛОЖНЯЮЩЕГОСЯ ЛАВИРОВАНИЯ

В условиях растущего интереса к региону государства Центральной Азии оказываются в ситуации сложного выбора: лавирование между интересами внешних акторов, находящихся в отношениях острого геополитического конфликта, становится все сложнее.

Важно отметить, что существующая догматизация многовекторности была и остается своего рода компенсационной реакцией на объективно сложившуюся зависимость, прежде всего от России. Эта реакция, таким образом, является концептуально оформленной, принятой и реализуемой во внешнеполитических практиках всех государств Центральноазиатского региона⁵⁵. В меньшей степени такая диспозиция выстра-

ивается по отношению к КНР. Географически же удаленные США и весь западный блок в данной модели рассматриваются, скорее, как балансир, способный противостоять или даже противодействовать неизбежному влиянию России и Китая. Можно также констатировать, что даже далеко не сочувствующие России эксперты вынуждены, пусть и в общих чертах, признавать ее значение для региона и размышлять над устойчивостью многовекторной внешней политики его государств в случае обострения мировых кризисов.

Фрагментированная внешнеполитическая ориентация центральноазиатских государств обусловила многие нюансы их внеш-

⁵⁵ В странах региона само понятие многовекторности иногда по-разному артикулируется: например, в Узбекистане это «многоплановость», в Таджикистане – политика «открытых дверей».

ней и внутренней политики после начала Россией СВО на Украине. На нынешнем этапе обострения глобального кризиса в международных отношениях государства региона испытывают на себе серьезное внешнее давление, западные партнеры все более настойчиво требуют от них определиться с приоритетами сотрудничества. В общеполитическом отношении события вокруг Украины имеют для региональных политических элит и для государственных систем Центральной Азии двойственные последствия. Факт масштабного применения силы для решения внешнеполитических задач ставит всю международную и региональную безопасность в качественно новые условия, когда государства должны осмыслить и учитывать украинский и российский опыт, проецируя его на собственные перспективы. Но, как представляется, элиты стран Центральной Азии оказались не готовыми к этому.

Не следует игнорировать и то обстоятельство, что в условиях зависимости от контролируемых США и их союзниками информационных потоков (особенно это заметно в Казахстане и Киргизии) правительствам приходится учитывать присутствующую в определенной части их обществ антивоенную экзальтацию и некоторый (пусть не критичный) рост антироссийских настроений. Отдельные эпизоды этих дискуссий (особенно в Казахстане) многими в России воспринимаются как недружественные, не учитывающие российские интересы, разрушающие стабильные отношения между государствами и как попытки выстроить линию поведения на основе противопоставления российскому влиянию.

Сравнительный анализ внешнеполитического поведения государств Центральной Азии в новых геополитических условиях при наличии общих черт показывает и их различные тактики, и реакции на происходящее. Узбекистан активно развивает со-

трудничество с Россией, но избегает каких-либо действий, демонстрирующих его политическую позицию. Казахстан занимает особую позицию, отличающуюся высоким уровнем политизации происходящих процессов и демонстрацией лояльности, прежде всего адресуемой США и западному блоку. Как следствие, резко негативное отношение к республикам Донбасса, которые президент Касым-Жомарт Токаев назвал «квазигосударствами»⁵⁶. В Туркмении и Таджикистане происходящее в мире официально никак не комментируют, а президент Киргизии даже 1 марта 2022 года выразил Владимиру Путину «поддержку решительных действий российской стороны по защите мирного населения Донбасса», добавив, что, «возможно, это была вынужденная мера»⁵⁷.

Внешне Центральную Азию трудно отнести к приоритетным регионам мира с точки зрения американской политической элиты. Стратегические документы США, упоминающие Центральную Азию, используют довольно сдержанную лексику⁵⁸. Для Вашингтона и его союзников центральноазиатское пространство имеет значение как территория интересов и одновременно стратегического тыла для России и Китая, а также Ирана.

В свою очередь, несмотря на то что региональные интересы этих трех государств во многом расходятся друг с другом, их объединяет стремление к тому, чтобы минимизировать любое другое нерегionalное присутствие. После событий 2005 года – государственного переворота в Киргизии и андижанских событий в Узбекистане – вмешательство западных стран во внутренние дела стало предметом постоянного беспокойства в элитах стран региона. «Романтическое» восприятие Запада с этого момента начало последовательно сокращаться. Прагматическое же восприятие не просто

⁵⁶ Токаев заявил, что Казахстан не признает ДНР и ЛНР // Интерфакс. 2022, 17 июня. <https://www.interfax.ru/world/846857>

⁵⁷ Президент Киргизии в разговоре с Путиным поддержал действия России на Украине // ТАСС. 2022, 26 февраля. <https://tass.ru/politika/13874025>. Позже с официального сайта президента Киргизии этот эпизод был удален.

⁵⁸ United States Strategy for Central Asia 2019-2025. <https://tj.usembassy.gov/wp-content/uploads/sites/143/United-States-Strategy-for-Central-Asia-2019-2025-1.pdf>

остаётся, но и динамично усиливается. В долговременной и вполне уже системной активности по формированию прямых устойчивых связей между военными структурами НАТО и государств Центральной Азии следует отметить работу с «человеческим фактором»: в первую очередь, подготовку офицерских кадров в учебных заведениях и других профильных центрах стран НАТО. Сюда можно отнести и вовлечение государств региона в разнообразные программы взаимодействия с НАТО, способствующие установлению устойчивых связей различного уровня и содержания. Впрочем, новейшая история региона пока не знает примеров реального участия Альянса в обеспечении безопасности в регионе, хотя в качестве такового длительное время декларировалось военное присутствие США и НАТО в Афганистане.

Китай и Турция – два государства, также стремящихся утвердить свое место в регионе. В том, что касается Турции, важно различать ее реальное положение в странах региона и образ, формирующийся в информационном пространстве. В регионе нет ни одного турецкого экономического или инфраструктурного объекта, относящегося к крупному бизнесу, турецкие инвестиции ограничены сферой малого и среднего бизнеса, строительства, сервиса. Вероятности изменения этой ситуации не просматривается. Турция также не располагает полноценной институциональной и нормативно-правовой базой для содействия безопасности государств Центральной Азии. Ведущиеся разговоры о военном союзе в рамках Организации тюркских государств в малой степени основаны на реальности. Обращает на себя внимание отсутствие Турции в каких-либо взаимодействиях государств Центральной Азии по ключевым проблемам региональной безопасности: это относится к граждан-

ской войне в Таджикистане, к проблемам, связанным с ситуацией в Афганистане. Никак не проявляла себя Турция и позже, в таких критически важных событиях, как три государственных переворота в Киргизии, январские события в 2022 году в Казахстане и дестабилизация летом 2022 года в Каракалпакстане.

В отличие от экономики и политической сферы, в 1990-е годы Турции удалось создать очень прочную и широкую основу своего присутствия в Центральной Азии в образовательной и культурной сферах. Однако в целом Анкара в настоящее время не обладает необходимым потенциалом для того, чтобы претендовать на роль абсолютного лидера в «тюркском мире»⁵⁹.

Особое место в региональных процессах занимает КНР – в первую очередь в финансово-экономической сфере⁶⁰. После февраля 2022 года нужно отметить рост активности Пекина и в других областях. Китай создал формат со странами Центральной Азии по формуле С+1, под эгидой которого формируются наднациональные исполнительные структуры (формат «Центральная Азия – Китай»). Государства региона и КНР в 2024 году приняли решение о создании совместного постоянно действующего секретариата. В январе 2025 года состоялось первое заседание Делового совета «Центральная Азия – Китай», а на полях Астанинского саммита в июне 2025 года – второе. В формате «Центральная Азия – Китай» представители государств региона собираются чаще, чем в формате консультативной встречи глав государств Центральной Азии

На фоне украинского кризиса и смещения фокуса внимания России на достижение целей Специальной военной операции появились мнения о возможной «передаче» роли гаранта безопасности в регионе КНР⁶¹. Тенденция к росту китайской активности в сфере безопасности, безусловно, су-

⁵⁹ Притчин С.А. Турецкая стратегия в отношении Центральной Азии на современном этапе: сильные стороны и ограничители // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 2. С. 52–62.

⁶⁰ Перминова А.А. Военно-техническое сотрудничество КНР со странами Центральной Азии: выводы для России // Россия и современный мир. 2024. № 3. С. 107–125.

⁶¹ Пекин прибирает к рукам страны Центральной Азии // Независимое военное обозрение. 2023, 26 января // https://nvo.ng.ru/realty/2023-01-26/5_1222_asia.html

ществует. Тем не менее роль России в этой сфере остается доминирующей, в том числе на длительную перспективу. Эта роль закреплена как на уровне двустороннего взаимодействия со всеми пятью государствами, так и в формате ОДКБ. Взаимодействие же Китая со странами региона в сфере безопасности носит «догоняющий» характер.

Таким образом, Центральная Азия становится объектом растущего интереса глобальных внешних акторов, что существенно меняет как возможности последующего развития пяти стран региона, включая внутривосточные процессы, так и трансформирует существующие и создает новые риски и для российской политики.

2026